

15 МАЯ 1987

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
г. Москва

Имя лауреата Государственной премии РСФСР поэта Сергей Григорьевича Острового известно не только любителям поэзии. Вспоминаются его публицистические выступления по телевидению и радио, его песни. За плечами писателя-фронтовика коммуниста Сергея Острового — большая, наполненная событиями жизни.

— Как я стал поэтом?.. — задумчиво повторяет мой вопрос Сергей Григорьевич. — Пожалуй, для того, чтобы ответить, потребуется рассказать историю всей своей жизни, а это, поверьте, очень непросто. Лев Толстой когда-то сказал примерно так: однажды я упал с лошади и сделался писателем. Конечно, это шутка! Но в жизни каждого писателя есть тот особенный миг, когда он вдруг понимает — я должен написать, сказать свое «слово».

В 1929 году после окончания школы из родного Новосибирска я уехал в Томск. Хотелось проверить себя, понять, чего я стою. Отыскал редакцию газеты «Красное знамя» и заявился к главному редактору. Он меня спросил: «Что ты умеешь делать?» Я решительно ответил: «Все!..»

И юный газетчик отправился на маслозавод за первым в своей жизни материалом. Статья вышла не то что большой — гигантской. Несколько дней прошло в томительном ожидании: опубликуют или нет. Кончились деньги, взятые из дома. Голод погнал его в редакцию. В газете Островому показали маленькую заметку без подписи на последней странице и, к полному его удивлению, зачислили в штат.

— Многие свои стихи вы опубликовали именно в газетах. Видимо, это — позиция, а не просто стечение обстоятельств?

— Да, конечно. В газетах я прошел огромную жизненную школу. Работая уже в Москве, объездил всю Россию, побывал на строительстве Магнитки, Кузбасса, познакомился с массой интересных людей. И на всю жизнь запомнил слова редактора моей первой книжки, вышедшей в Москве в 1937 году, Ефима Зозуля: «Думаю, что каждый поэт, садясь за работу, должен думать о том, что его стихотворение будет напечатано в «Правде». Именно так он видел выход к огромной читательской аудитории.

22 июня 1941 года кровавой чертой разделило нашу жизнь на довоенную и военную. Поэты и писатели, среди которых был и Сергей Островой, выступали на призывных пунктах, читали бойцам свои произведения.

— Это были особые дни, — вспоминает Сергей Григорьевич. — Я читал стихи людям, которые через десять минут должны были грузиться в эшелоны, чтобы отпра-

виться на фронт. Видел, как они вставали и уходили из зала, их места занимали другие. И стыдился: что они думают обо мне, тридцатилетнем мужчине, остающемся в тылу...

Любовь к Родине привела я поставила Сергея Острового, освобожденного от службы в Красной Армии из-за очень плохого зрения, в строй народных ополченцев 8-й Краснопресненской дивизии. В июле он уходит на фронт вместе с писателями Юрием Либединым, Александром Бекон, Степаном Злобиным...

— Первые солдатские дни,

какими они запомнились вам?

— Нелегко было нам, писателям-ополченцам, не прошедшим службу в Красной Армии. Первые дни — это многокилометровые переходы с полной выкладкой. На привалах мы падали без сил на землю и с ужасом смотрели на свои сбитые в кровь ноги. Потом нас слили с батальоном коломенских рабочих, и стало немного легче. Среди них было немало ветеранов Красной Армии, участников гражданской войны — они-то и научили нас азам военного дела, что здорово пригодилось впоследствии.

Приказ Главного политического управления РККА превратил рядового народного ополчения Сергея Острового в писателя армейской газеты «На врага». Рядом находились друзья: погибший через некоторое время Ефим Зозуля и известный венгерский писатель-политэмигрант Бела Илеш.

Чашу войны Островому пришлось испытать, как говорится, до дна. Воевал на Калининском, Западном, 2-м Белорусском фронтах. Дошагал до Эльбы. Был ранен, лежал в госпиталях, выходил из окружения. Имеет боевые награды.

— А сколько товарищей потерял я на войне! — продолжает Сергей Григорьевич. — Никогда не забуду одного случая. Связист, тянувший катушку с кабелем вдоль дороги, лейтенант, возвращавшийся из госпиталя, и я попали под жестокую бомбежку. Завидев пикирующие на нас

самолеты, бросились в укрытие — неглубокую щель, оказавшуюся поблизости. Сколько продолжался налет, не помню. Очнувшись полусыпанный, оглохший, а рядом со мной лежали убитый связист и потерявший рассудок лейтенант. Я смотрел на ясное, голубое, с виду совсем мирное небо и думал: «Мы добьем, обязательно добьем фашизм, но эта война должна стать на Земле последней...»

На войне Островой писал сравнительно мало. Но отзывы тех яростных дней звучали в его поэзии спустя десятилетия.

Ну, а что касается пожаров, то оно у меня всего лишь одно: рабочим — хорошо трудиться, ученым — крепко думать, а военным — службу знать.

Время, отведенное для беседы, подходит к концу. Я знаю, что Сергей Григорьевич занят, но задаю еще один вопрос, без которого наш разговор вряд ли можно было считать законченным.

— Какую роль сыграла песня в вашей жизни?

— Собственно говоря, песня и открыла мне дорогу в поэзию, когда на конкурсе на лучшую военно-комсомоль-

Сергей ОСТРОВОЙ:

ПЕСНЯ ОСТАЕТСЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

Встречи по вашей просьбе

Течение нашей беседы постепенно меняет свое русло.

— Я думаю, что на сегодняшний день нет более важного дела для человека, чем борьба за мир, — говорит он. — Советский народ по своей природе и по природе своего строя — самый последовательный противник войны. Западные клеветники обвиняют нас в каких-то коварных замыслах. Мыслимое ли это дело, говорить так о стране, потерявшей в минувшей войне 20 миллионов человек! Мы прошли через такие чудовищные испытания войной, что нет и не может быть народа более приверженного делу мира.

— Сергей Григорьевич, какого вы мнения о сегодняшней молодежи?

— Я все больше и больше убеждаюсь, что молодежь у нас прекрасная. Вспоминаю, как ворчали на нас в свое время старики, и нахожу много общего в высказываниях моих сверстников в адрес нынешнего поколения. Великая Отечественная война, которую мы вынесли на своих плечах, показала, на что мы способны.

Но и в мирное время есть место для подвига, ратного и трудового. Советские воины-интернационалисты в Афганистане ежедневно доказывают это. А как по-иному оценить вклад нашей молодежи в освоение богатств Сибири, строительство БАМа! Новые огромные перспективы открыл перед нынешним поколением XXVII съезд КПСС, кому как не молодежи претворять их в жизнь?

скую песню нам совместно с композитором Н. Мясковским присудили премию. С тех пор я написал множество песен, среди которых были и удачные, и не получившие широкой известности. Какая песня «завучит», а какая нет, заранее определить практически невозможно. Вспоминаю песню «Дрозды», которую я написал, не предполагая, что она станет пользоваться популярностью. А вот исполнил ее Г. Белов — и, смотрите, что из этого получилось! Удачная песня приносит мне особенную радость. Много писем я получил после песни «У деревни Крюково». Я и не думал, что в России столько деревень с таким названием. И в каждом письме задавался один и тот же вопрос: не о нашей ли деревне идет речь?

Никогда не забуду также, как, уходя на фронт, пел вместе со всеми собственную песню «В путь-дорожку дальнюю...»

Многие свои стихи и песни я посвящал Советской Армии, — продолжает Сергей Григорьевич. — Сколько лет отдано ей, сколько настоящих друзей я приобрел — и на фронте, и после войны, когда ездил по военным округам, выступал перед нашими солдатами, матросами и офицерами! Читал стихи и на земле, и под землей, и на подводных лодках. И честно говорю, более чутких, доброжелательных слушателей у меня не было.

Вела беседу
О. БЛИНОВА.